
Глава 1

ЗАЧЕМ НЕОБХОДИМ СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД НА МИР?

Недооценка глобальной ситуации состоит в настоящее время в упрощении многих конфликтных отношений, в том числе и борьбы с религиозным экстремизмом и терроризмом, до проблемы противостояния Запада и исламского мира. Большинство аналогий с прошлым и многие прежние закономерности сейчас не срабатывают.

Можно, конечно, рассуждать об объективных и субъективных трудностях и просчетах текущих тенденций мироустройства, объяснять их различными причинами, но совершенно очевидно – происходит заметный поворот в развитии международных отношений. Как сформулировал Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, «сегодня много огромной опасности в человеческой жизни, в отношениях между странами, между народами»¹, «существует огромная проблема терроризма, не всегда ровно складываются отношения между представителями разных религий и культуры». При этом он добавил, что мир становится «очень тесным, взаимопроникающим», потому что ускоряются все процессы во времени и пространстве, человечество становится «огромной семьей». «Человечество вошло в очень сложное и опасное бытие, в новую фазу своего развития, когда конфликты, происходящие где-то далеко, становятся нашими конфликтами»², – отметил Патриарх.

¹ Из речи, произнесенной в Баку накануне саммита религиозных лидеров мира в апреле 2010 г. См.: Взгляд. Деловая газета. 25.04.2010 (<http://www.vz.ru/news/2010/4/25/396452html>).

² Там же.

Возможно сближение политических позиций по многим международным вопросам при уважении декларированных ООН прав человека, норм и принципов международного права, отказа от двойных стандартов, в том числе в отношении антитеррористической политики, соблюдении непреходящих традиционных для человечества ценностей, общих для всех мировых религий.

Последние события свидетельствуют о том, что на фоне проявлений расизма, ксенофобии, исламофобии и т.д., царящих в мире, растет потребность в усилиях по противодействию неполитическими средствами распространению конфликтности, необходимость налаживания взаимоотношений между представителями мусульманского и западного мира, которые не слишком хорошо информированы о традициях, образе жизни друг друга.

Благодаря средствам массовой информации, в первую очередь радио и телевидению, а также всемирному распространению интернета, жители арабских стран сумели многое узнать о западной культуре – несопоставимо больше, чем представители Запада в большинстве своем знают о культуре этих стран. Многие европейцы или североамериканцы не всегда в состоянии отличить Индонезию от Малайзии, полагают, что Дарфур (район на западе Судана) и есть сам Судан. Конечно, ситуация начинает меняться, особенно в последнее время, когда события в странах Ближнего Востока и Северной Африки приковали к ним внимание мировой общественности. Тем не менее у большинства населения Запада реальные знания о странах мусульманского мира – фактах из их истории, многообразии культур, обычаях и традиций, особенностях образа жизни – находятся в зачаточном состоянии.

Каждое мусульманское государство имеет собственную уникальную историю, культуру, языки, религиозные и хозяйственные традиции. Египтяне, катарцы, йеменцы, суданцы, малазийцы, коморцы не живут в одних и тех же социально-экономических условиях, и было бы непоправимой ошибкой думать, что жизнь их, из-за бедности и отсталости, не представляет интереса.

Процесс налаживания взаимного доверия между двумя гигантскими культурными сообществами – христианским и му-

сульманским – должен начаться с диалога, взаимного ознакомления. К сожалению, и у нас, и повсюду можно услышать голоса, объявляющие такой диалог лишним, контрпродуктивным, исходящие из постулата «Knowledge breeds contempt» (знание порождает сомнение). Однако известная цитата из Екклесиаста, утверждающая, что «во многой мудрости много печали и кто умножает познания, умножает скорбь», мало подходит в данном случае.

Прежде всего необходимо научиться разбираться в причинах и природе конфликта, возникающего в проблемной зоне. И в первую очередь задуматься: велики ли основания причислять этот конфликт к разряду межкультурных, межрелигиозных или этнических? В чем его истинная подоплека? Хорошо бы разобраться, кто кому реально противостоит в этом конфликте. Ведь конфликт – это, как правило, столкновение политических мотивов и экономических интересов, а противостоят друг другу чаще всего их носители – отдельные группы и индивидуумы, чьи интересы и мотивы со временем могут меняться. В то время как религии и культуры – величины относительно постоянные.

В вышедшей в 2008 г. книге директора Института Макса Планка по социальной антропологии в г. Халле (Halle) Гюнтера Шлее «Как делаются враги: к теории этнических и религиозных конфликтов» автор, проводя критический обзор теорий конфликтов, ставит вопрос о необходимости свежего взгляда и разработки нового обоснованного научного подхода к анализу конфликтных ситуаций. При этом он предлагает отставить в сторону «популярные» теории и устоявшиеся стереотипы об этнических конфликтах и схватках культур, тем более отказаться от настойчивого наклеивания «исламистских» ярлыков. Добавлю от себя: навязывания языка предубежденности. Г. Шлее подчеркивает, что особенно в сфере этноконфессиональной точки зрения ученых и общераспространенные среди населения мнения заметно разнятся на протяжении длительного времени³.

³ См.: *Schlee G.* How enemies are made. Towards a theory of ethnic and religious conflicts. N.Y.: Oxford, 2008. P. 7.

Повышение интереса к указанным конфликтам связано, в первую очередь, с методологическим тупиком, в котором находится сегодня этническая конфликтология. Специалисты отмечают, что традиционные миротворческие модели урегулирования уже не соответствуют социально-историческому контексту, сложившемуся в XXI веке⁴.

Вряд ли стоит сомневаться, что благодаря фундаментальной науке с ее способностью проникать в суть проблем удастся докопаться до первопричины конфликтов, выявить истинную природу происходящих ежедневно вокруг нас событий и вызывающих беспокойство явлений. При этом полезно, пожалуй, напомнить, что изучение вопросов зарождения конфликтов и управления ими невозможно проводить вне контекстуального поля глобализации. Развивающиеся страны находятся в состоянии догоняющего развития и выходят на новую технологическую границу. Но, поскольку процесс модернизации технико-экономической сферы происходит фрагментарно, в социально-культурной и политической сферах его воздействие носит весьма ограниченный характер.

Известную трудность представляет также и то, что, в отличие от естественных наук, объекты исследований наук социальных и политических обычно находятся в поле зрения огромного числа людей (зона общечеловеческих интересов), поскольку затрагивают различные аспекты жизни: богатство и бедность, вопросы войны и мира, религию и политику, экономику и бизнес, конфликты и безопасность... Вокруг этой проблематики чаще всего ведутся ненаучные дискуссии в средствах массовой информации, просто обывательские разговоры, в которых «перебираются» мнения, основанные, как правило, на эмоциях, предубеждениях и субъективных оценках.

Естественно, такой подход имеет место и в отношении проблематики противостояния Запада и мусульманского мира.

⁴ См., например: *Миняжев Т.Р.* Управление этническим конфликтом в русле модернистских и постмодернистских концепций и социология управления. Материалы межвузовской конференции докторантов и аспирантов. М.: МПГУ, 2005. С. 96–104.

Однако предпринимаются попытки нащупать пути и методы, найти способы ослабления деструктивных последствий глобализационных процессов в междивизиационном противостоянии.

Анализ данной темы требует привлечения теоретических разработок из различных областей знаний с учетом того, что имеющиеся знания об изучаемом явлении всегда несколько отстают от реальности, от проблемной ситуации на текущий момент. Характерной чертой последних двух десятилетий являются гипертрофированные формы. Это привело к возникновению и распространению религиозно-политических организаций и группировок, которые допустимо обозначить как «антиглобалистские». Свойственная многим религиям критика глобализма как секулярной идеологии принимает порой жесткие формы. В основе ее лежит стремление удержать традиционные ценности, недовольство стереотипами, царящими в западной культуре, воспринимаемой как воплощение материализма и рационализма. Многочисленные примеры политического радикализма обнаруживались в зонах распространения ислама, где действовали объединения и группы, сами себя позиционирующие как «исламские». Во многом, благодаря средствам массовой информации, любые выступления такого рода ассоциировались в глазах западного обывателя с исламской религией. Более того, впадая в ошибку, масс-медиа стали подчас голословно тиражировать утверждения, что экстремизм и терроризм имеют отношение к религии, а сам ислам антизападен.

Так случилось, что ближе к окончанию «холодной войны», примерно в 1990 г., начался интенсивный поиск образа врага, вероятно, вызванный опасениями дезинтеграции стран-членов НАТО из-за отсутствия явного оппонента и последовавших за этим структурных сдвигов. На этом фоне ислам, по словам Г. Шлее, вновь стал рассматриваться в качестве враждебной силы, и Запад обнаружил своего противника в пределах Ближнего и Среднего Востока. «С того времени, – пишет немецкий ученый, – наши коллеги-востоковеды целиком были заняты

подсчетами фактов искажений, допущенных в отношении ислама в средствах массовой информации»⁵.

Возможно, такая интерпретация причин всплеска исламофобии, отведения исламу роли враждебной силы может показаться несколько упрощенной. Конечно, здесь причинно-следственная связь намного сложнее, да и сама проблема начала приобретать очертания еще в 1970-е гг., но по сути суждение Г. Шлее не вызывает неприятия. Нет необходимости говорить о том, что отношения между исламским и западным мирами резко ухудшились с момента террористического акта 11 сентября 2001 г.

Далеко не все жители планеты сегодня являются верующими, но вряд ли кто-то сможет отрицать устойчивость религиозного сознания. Очевидно, что в разных уголках мира религия подвергается политизации. На наших глазах происходит девальвация многих моральных, этических и политических ценностей. Идет интеграция экономик, но, к сожалению, и в области культуры наблюдается новая печальная тенденция – культура «унифицируется».

Предпринимаемые ныне шаги по обеспечению глобальной и региональной безопасности, созданию модели мироустройства XXI века сильно бы выиграли в случае выработки некоего коллективного плана действий (пусть в разнообразных сферах), основанного на международных актах и подкрепленного основополагающими духовными ценностями, проповедующими принцип единства всего живого и стремление жить в мире. Вопреки этому отношения между различными религиями и культурами страдают от недоразумений, стихийных действий, нетерпимости и недоверия. При этом мы исходим из того, что культура определяет поведение отдельного человека и всей нации, а поведение, в свою очередь, во многом влияет на будущую судьбу народа.

Сегодня российское государство и его институты в ходе своих двусторонних и многосторонних контактов, помимо

⁵ *Schlee G.* Op. cit. P. 75–76.

традиционных вопросов политического, экономического и гуманитарного характера, обсуждают и то, что принято сейчас называть «диалогом цивилизаций или культур, межрелигиозным диалогом», привлекая к этому институты гражданского общества. Мы видим, что Россия воспринимается в мире как великая евразийская держава, которая прикладывает немало усилий для укрепления традиций взаимоуважения различных общин и культур в своей собственной стране и в условиях складывающегося соотношения сил в мире вполне может исполнять роль связующего звена между Западом и Востоком.

В 2012 г. исполняется семь лет с момента получения РФ статуса наблюдателя и участия в этом качестве в чрезвычайном саммите Организации Исламская конференция⁶. К настоящему времени у России и Организации, которая ныне объединяет 57 стран, стартовали десятки современных проектов (в сфере истории, культуры, экономики). При этом ставится общая и понятная задача по воспитанию терпимости у представителей каждой культуры и религии, особенно среди подрастающего поколения. Очевидно, что по мере активизации контактов и разнообразия совместной работы диалог Российской Федерации с Организацией Исламского сотрудничества (ОИС) и ее структурами будет приобретать стабильный и стратегический характер. Прогресс в отношениях прежде всего с нашими ближайшими соседями и традиционными партнерами – странами СНГ, Европы, Ближнего Востока, Азии и Африки, – в XXI в. в значительной мере будет определяться интенсивностью взаимодействия в торгово-экономической, культурной, научной, образовательной сферах. Многие страны-партнеры, в том числе Россия, заинтересованы не только в конкретном наполнении этих отношений, но и развитии новой ситуации в мире, предусматривающей утверждение многополярной реальности. Складывается новое соотношение сил

⁶ Организация Исламская конференция переименована в Организацию Исламского сотрудничества (ОИС) на 38-й сессии МИД в Астане в июне 2011 г.

на планете. Каждый из этих центров вместе с ближайшим окружением является относительно самостоятельной культурой и имеет свой отпечаток «цивилизации».

В свою очередь, сотрудничество по линии Россия – мусульманский мир будет демонстрировать приемлемый путь общения в рамках формирующейся системы международных отношений на полицентричной основе и являться гарантом региональной стабильности, укреплять его балансирующую роль в международных делах. Кроме того, развитие экономических связей между Россией и государствами – членами ОИС будет содействовать расширению географии и росту разноуровневых интеграционных процессов, что послужит хорошим примером глобального взаимодействия. Деятельность в этих двух форматах дает России возможность выступать своеобразным мостом для сближения различных позиций и для более эффективного участия в решении проблем глобальной безопасности и содействия развитию более бедных экономик мира.

Совершенно очевидно, что сложившаяся на протяжении XX столетия мировая экономическая система переживает сейчас глубинную, фундаментальную трансформацию и характеризуется глобальной конкуренцией. Сам же процесс тектонических сдвигов в мире, который часто обсуждается, слабо изучен и недостаточно понят. Одним из его значимых проявлений стало снижение лидирующей роли США в глобальной экономике и финансах, образовании, социальной и культурной сферах; другим – беспрецедентный экономический рост «прочих стран мира», прежде всего БРИК – Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР (с присоединением ЮАР он превращается в БРИКС), которые явились ведущей силой по выходу из глобального финансового и экономического кризиса. Эта структура может стать важной составляющей нарождающегося мироустройства. И дело здесь не только и не столько в постепенной утрате США опережающего мирового рейтинга, сколько в подъеме всех остальных. Об этом, в частности, пишет в своей новой книге «Постамериканский мир» известный американский политолог, автор работы «Будущее свобо-

ды: ограниченная демократия дома и за рубежом» Фарид Закария⁷. Он подчеркивает, что мы вступаем в новую эру, когда доминирование Америки в мире будет ослабевать, а управление будет осуществляться из многих мест и большим числом людей⁸. При этом Китай, несмотря на серьезное укрепление позиции в мировой экономике и финансах, не спешит демонстрировать свои достижения, сомневаться в которых уже не приходится: достаточно сказать, что производство стали и цемента в этой стране несколько лет тому назад превысило 30% мирового уровня и в ней создана компания с капитализацией 370 млрд. долл. США (Petro China, на 31 декабря 2009 г.).

Судя по тому, как развиваются процессы в мировой политике и экономике, человечество уже реально вступает в новую эру. Отсюда возникает резонный для всех нас вопрос: как будет выглядеть мир, к которому мы неминуемо движемся? Признаем, что однополярная, биполярная и многополярная система мироустройства не являются идеальными, имеют свои плюсы и минусы. Предположу, что чем больше «центров силы», тем труднее удержать глобальное равновесие. Вместе с тем в многополюсном мире, как ни парадоксально это звучит, больше возможностей для достижения общих целей человечества, внедрения в международные отношения принципов мирного сосуществования. Полицентричность неизбежно отразится на характере глобальных изменений, понимаемых как интернационализация жизни на планете. Важно при этом уяснить, что иного выбора просто нет. В формирующемся новом мире не должно быть места для частички «анти-», как это было в эпоху «биполярности» – конфронтации двух сверхдержав.

Новая эра, как показали, в частности, последствия японской техногенной катастрофы в марте 2011 г., природные катаклизмы, конфликты на Ближнем Востоке и в Северной Африке, представляется несравненно более сложным пере-

⁷ Фарид Закария являлся главным редактором журнала «Ньюсвик Интернэшнл» до весны 2011 г.

⁸ Zakaria F. The Post-American World. New York–London: W.W. Norton & Company, 2008. P. 5.

плетением общих интересов – усилением взаимозависимости. Слишком уж серьезными последствиями угрожает стихийное столкновение противодействующих сил в новом мире, если они не осознают себя в качестве части единой, более широкой системы мирового развития. Вместе с тем, продвижение к многополярности через трудности социальных преобразований и модернизации экономики создает благоприятную атмосферу для сохранения культурного многообразия. Трудность здесь заключается в разнонаправленных трендах движения, в частности «усреднении» культуры, ее «унификации». Эволюция проходит и будет распределяться неравномерно, скачками, в зависимости от изменения в системе международных отношений баланса сил, удельного веса и сопротивления одних социально-культурных групп и выхода на авансцену других. Однако можно прогнозировать, что вектор мирового движения будет смещаться в направлении развивающихся стран, выравнивания «игрового поля».

При оценке возможных перспектив внимание уделяется тем грядущим переменам, которые больше всего затрагивают интересы людей, а именно социально-экономическим проблемам. Их, как считают, например, авторы статьи «Тектонические сдвиги в мировой экономике», приуроченной к Международной конференции по проблемам развития экономики и общества (апрель 2009 г.), опасаются преимущественно в развитых странах, где в росте населения и активности развивающихся стран видят угрозу европейской цивилизации. Признаки этой угрозы связывают со снижением доли развитых стран в численности населения и мировом ВВП. Отсюда вывод: мышление порой строится по шаблону «все против Запада»⁹. Увы, далеко не все способны перестать видеть в другом соперника, антагониста, а не просто глобального партнера (пусть и конкурента)! Ведь зависимость каждого нового игрока «высшей лиги» от остального мира увеличивается, а не умень-

⁹ Ясин Е., Снеговая М. Тектонические сдвиги в мировой экономике, или подъем на новый технологический уровень (<http://www.politeconomika.ru/000008/?p=32>).

шается. При этом важно, чтобы системообразующие страны придерживались общих требований. Поток международной жизни отмечен ускорением процесса формирования нового мироустройства, одним из ключевых катализаторов которого являются финансовые кризисы. Сегодня мир постепенно выбирается из глобального финансово-экономического кризиса, от которого разные страны и регионы пострадали в большей или меньшей степени. Это проблема неолиберальной глобализации, не имеющей ничего общего с «великой депрессией» 1930-х или кризисом 1970–1980-х гг. Последствия этого кризиса XXI в., как, впрочем отчасти, и предыдущего азиатского кризиса (1997–1998 гг.), с нарастающей силой свидетельствуют, что человеческий мир становится все более единым и лишь в таком качестве способен преодолевать возникающие перед ним сложности. Первые результаты усилий по созданию новых эффективных механизмов выработки коллективных решений глобальных проблем достаточно скромны. Но дело не только в этом. Кризис в очередной раз показал, что окружающее нас, включая существующую финансовую систему, требует совершенствования системы глобальной и региональной безопасности в условиях возрастания рисков во все менее предсказуемом мире.

В этих условиях усиление координации по обеспечению устойчивого и сбалансированного роста, регулированию финансового рынка, упрощенного доступа развивающихся рынков к ресурсам международных финансовых институтов является одной из главных задач «двадцатки», в которую входят страны с различными экономическими моделями, в том числе Индонезия, Саудовская Аравия, Турция¹⁰.

¹⁰ Членами «Группы двадцати» ведущих и развивающихся стран являются Австралия, Аргентина, Бразилия, Великобритания, Германия, Индия, Индонезия, Италия, Канада, Китай, Мексика, Южная Корея, Россия, Саудовская Аравия, США, Турция, Франция, ЮАР, Япония, а также Европейский Союз, представляемый страной-представителем. Саммит «двадцатки» в Торонто в июне 2010 г. принял решение, предусматривающее 3,13% голосов во Всемирном банке в пользу развивающихся стран и государств с переходной экономикой, что обеспечило повышение их совокупной доли в капитале Банка до 47,2%. Сеульский саммит в ноябре того же года впервые принял конкретный план дейст-

Формирование общего видения развития процесса реформирования мировой финансово-экономической архитектуры, борьбы с бедностью, противодействия климатическим изменениям открывают возможности для общего соглашения с учетом «нагрузки» на национальные интересы и индивидуальные особенности стран. В рамках этого проекта должны быть оговорены точки соприкосновения глобальных и национальных интересов всех стран, в том числе с переходной экономикой, развивающихся и НРС. Качественная модернизация экономики России, дальнейшее развитие ее международных связей в целом и с мусульманским миром в частности – в различных формах и форматах – позволит наметить и согласовать направление создания механизма сотрудничества, стимулирующего солидарное реагирование и взаимодействие в сфере экономики, в том числе в кредитно-финансовой области, экологии, науки и техники, вопросах культуры и общественных отношений и т.д.

Совместные, а не односторонние действия – вот залог успеха. События последних лет подтверждают, что только на такой платформе можно последовательно добиваться утверждения в международных отношениях принципов равноправия, доверия, сотрудничества и взаимопонимания. В этом основа для консолидации интересов, отхода от архаизма конфронтационного мышления, стратегически объединенного видения проблем. Сегодня пришло время на деле реализовывать эти задачи, хотя сама эта система по-прежнему находится на ранней стадии развития. На третьем заседании Группы стратегического видения «Россия – исламский мир» выдающийся писатель и философ Чингиз Айтматов сказал: «...И вот мы, участники стратегического видения в ракурсе России и исламского мира, возможно, и являемся караванщиками нового

вий, направленный на успешную реализацию рамочного соглашения об уверенном, устойчивом и сбалансированном росте, а также решение о перераспределении 6% квот МВФ в пользу быстроразвивающихся и непредставленных стран. – См.: Дипломатический вестник. Ежегодник-2010. Внешняя политика России в документах МИД РФ, М., 2011. С. 7.

самосознания эпохи, новых убеждений гуманистических, национальных и глобальных для каждой этническо-теологической части человечества, для Востока и Запада, и в целом всего мирового сообщества. Новое самосознание человека в преодолении напряженности, в преодолении теологического и исторического кризиса современности уже привлекает внимание общеизвестных кругов Востока и Запада. Это наши первые шаги»¹¹.

Усилия в этом направлении могут сыграть определенную роль в противодействии опасным стереотипам в культурах и исчезновении таких понятий, как конфронтация и отчужденность, и замене их диалогом и компромиссом. Кроме того, они будут дополнять работу ООН, других международных и региональных организаций, вовлеченных в текущую дискуссию по поводу создания нового, более безопасного и справедливого мирового порядка, системы глобального управления, где критерием успеха становится способность учитывать интересы средних и малых стран. И это не благотворительность, а объективная потребность. Шансы на успех указанного глобального проекта останутся прозрачными, если стороны не будут основываться на общечеловеческих ценностях и сути происходящих процессов. И в этом смысле перед нами новая мегатенденция, пробивающая себе дорогу через переплетения и столкновения различных интересов. Ее нужно понять и в нее необходимо вписаться.

Понимание происходящих изменений в восприятии будущего. Реальные же сдвиги и приближаемые ими перспективы начинаются с объективной оценки и осознания того, что есть на самом деле. Лишь в этом случае обоснованные шаги и адекватные решения становятся возможными. А это требует свежего взгляда на окружающее, дающее ключ к решению острых проблем с учетом не только собственных интересов, но и обоснованных интересов остальных.

¹¹ Выступление Ч.Т. Айтматова на третьем заседании Группы Стратегического видения «Россия – исламский мир» (Стамбул, 1–2 февраля 2007 г.). См.: Россия и Организация Исламская конференция. Сборник документов и материалов. Москва–Казань, 2008. С. 250.

Глава 2

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ И «ВОСТОЧНЫЙ ВЕКТОР» ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Россия стоит в ряду ведущих государств мира, она последовательно выступает за более безопасный и справедливый миропорядок, за равный доступ стран и народов к преимуществам глобализации и, конечно, за объединение усилий всех государств, направленных на предотвращение развития угрожающих миру тенденций.

Одной из таких опасностей в современном мире является новая разделительная линия, проводимая по религиозно-цивилизационному принципу и делящая его, в частности, на немусульманскую и мусульманскую части. Это может подтолкнуть общество к новому разделу мира, притом несравненно более масштабному, чем это было во времена «холодной войны», когда мир раскололся на две системы с двумя сверхдержавами во главе. Сейчас произошел процесс деидеологизации международных отношений. Угроза раздела мира по цивилизационно-религиозному принципу – наивысшая опасность, которая сегодня стоит перед международным сообществом. Причем эта разделительная линия может пройти внутри государства и внутри цивилизаций.

На сессии «Россия – арабский мир» на Экономическом форуме в г. Джидда (Королевство Саудовская Аравия – КСА) президент Торгово-промышленной палаты РФ, бывший премьер-министр, академик Е.М. Примаков, говоря о новых вызовах и угрозах, высказал следующую идею: «В России, например, 20 млн мусульман, в Европе сейчас большое количество

мусульман, в Соединенных Штатах это самая быстроразвивающаяся религия. Значит, разделительные линии могут пойти внутри государств. Подобная перспектива чрезвычайно опасна для человечества»¹².

Последние годы отмечены поступательным развитием отношений между Россией и многими государствами в политической, экономической, гуманитарной и иных областях, позволяющих серьезно усилить взаимодействие различных культур и конфессий мира. Важную роль здесь сыграла инициатива Президента Российской Федерации В.В. Путина в августе 2003 г. о расширении взаимодействия России с Организацией Исламская конференция (ОИК), которая была поддержана российской общественностью. В основе такого взаимодействия лежит общее стремление России и мусульманских стран не просто участвовать в работе по глобальной повестке, но и вносить реальный вклад в ее формирование. Наши международные контакты показывают, что потребность в активной роли России в мировых делах у наших партнеров в мусульманском мире растет.

Символично, что концепция диалога цивилизаций, с которой выступила в конце XX века Исламская Республика Иран, получила поддержку не только в мусульманском мире, но и во всем мировом сообществе. Наглядным свидетельством этому является визит В.В. Путина в Малайзию в октябре 2003 г. для участия в форуме Организации Исламская конференция; в дальнейшем, в рамках ближневосточных турне в качестве главы государства, он неоднократно подчеркивал, что сейчас, когда мы смогли преодолеть раскол мира по идеологическому принципу, мы не можем допустить, чтобы восторжествовали те, кто хотят расколоть его уже по религиозному, межцивилизационному признаку¹³.

¹² Выступление Е.М. Примакова на Экономическом форуме в Джидде (20 января 2003 г.), собственная стенограмма.

¹³ См.: Россия и Организация Исламская конференция. Сборник документов и материалов. Москва–Казань, 2008. С. 22–25, 30–68, 105–127.

Не все были готовы к тому, что Россия после распада Советского Союза и периода серьезных испытаний быстро начнет возвращать свое положение на мировой арене, займет активную позицию, в том числе по вопросу взаимодействия с исламским миром как на двусторонней основе, так и в многостороннем формате. К сожалению, на Западе еще живы предрассудки прошлого, нередко предпринимаются попытки чуть ли не обвинить нас в стремлении сыграть на обостряющихся противоречиях между Западом и исламским миром. Нет оснований заподозрить в этом Россию, издавна имеющую тесные отношения с этими государствами и в которой велик процент мусульманского населения.

На протяжении длительного времени считалось, что на внешнюю политику любого субъекта международного общения оказывают влияние такие объективные факторы, как особенности географического положения, исторического развития, экономики, культуры и религии страны. Именно на их основе формулировались национальные интересы государства, которые могли менять свою политическую окраску, по-разному трактоваться на различных этапах развития, но по сути оставались неизменными, порой на протяжении веков. Однако в эпоху глобализации становится ясно, что старая концепция геополитики не гарантирует безопасности и процветания. Нужен новый поворот, который обеспечивал бы ее эволюцию в сторону гармонизации интересов всех государств и народов, больших и малых, способствовал сбалансированности миропорядка под влиянием свежего, незаангажированного взгляда на мир. Другими словами, подход, теоретически и практически обеспечивающий условия для мирного развития и безопасности через международное взаимодействие при сохранении национальной самобытности.

Для этого необходимо добиться решения ключевой концептуальной задачи – достижения консенсуса параметров и целей дальнейшей дискуссии, которая в перспективе открывает возможности выхода на общее понимание и формулирование национальных интересов во взаимосвязи с глобальными

проблемами современности. Сюда относятся те из них, решение которых жизненно необходимо и требует совместных усилий: разоружение и нераспространение оружия массового уничтожения, борьба с терроризмом, наркотрафиком и преступностью, урегулирование региональных кризисов, противодействие климатическим изменениям, обеспечение устойчивого развития, продовольственная безопасность и, наконец, искоренение нищеты и болезней. На глобальном уровне усиливаются вызовы и угрозы, связанные с линией разлома мира на развитый прогрессирующий Север и отсталый стагнирующий Юг.

Когда мы говорим о поиске и выработке нового подхода к формулированию национального интереса, я не предлагаю отказываться от базовых, устоявшихся и проверенных временем исходных положений и принципов. Научное знание не должно основываться только на одном отрицании теоретических положений предыдущих исследований. Напротив, речь идет как раз о перенастраивании их в соответствии с требованиями времени. Стремление не допустить хаоса, противодействовать глобальным изменениям, отказ от конфронтации настраивает международное сообщество на одну прагматическую волну, создает условия для возможного сведения интересов всех государств к общему для всех знаменателю. И чем шире и глубже анализ сущности рассматриваемого понятия, тем выше будет вероятность заглянуть за горизонт мировой политики, увидеть, «какая Россия нужна миру»¹⁴. А для этого понятие – какую атмосферу должна создать Россия, чтобы обеспечить прорыв в международных отношениях.

В рамках этого проекта должны быть оговорены «точки пересечения» глобальных и национальных интересов если не всех стран мира, то значительной его части. Тем самым будет сделан шаг, позволяющий зафиксировать национальные приоритеты на «глобальном поле». При этом усилия могут быть сконцентрированы на достижении согласия с целью придания концеп-

¹⁴ *Лавров С.В.* Внешняя политика России – вклад в укрепление международной безопасности и стабильности // Дипломатический ежегодник. 2010 (www.mid.ru).

ции национального развития нового подхода, многомерного по сути и универсального по кругу охватываемых проблем¹⁵.

Россия, позиционируя себя как государство с глобальными интересами, в том числе и на Востоке, безусловно заинтересована в стабильности стран региона, появлении новых возможностей для взаимовыгодного экономического сотрудничества, в частности по вопросам энергетики. Россия поддерживает партнерские отношения со многими странами Востока, причем не на словах, а на деле, например в рамках Форума стран-экспортеров газа.

Эти страны должны договориться между собой и найти тот вариант политического устройства государства, который обеспечивает им динамичное и демократическое развитие в современном мире. Все сказанное в полной мере относится и к странам Ближнего и Среднего Востока, а также Северной Африки. Там у нас большие интересы, в том числе и в области региональной и глобальной безопасности. Этот регион мира имеет стратегическое значение для многих государств, так как с ним напрямую связано обеспечение энергетических потребностей в глобальном масштабе. Он же является источником немалых потрясений, отзвуки которых отдаются сегодня далеко за его пределами.

Протестные движения в Северной Африке и странах Ближнего Востока 2011–2012 гг., охватившие огромные массы людей и изменившие ход привычной, традиционной для Востока жизни, сами по себе говорят о многом. Эти процессы протекают сегодня по-разному в «проблемных» и «внешне благополучных» с социально-экономической точки зрения странах, но при этом в первых для выполнения созидательных задач требуется более продолжительное время.

Недавние события в Египте, Ливии, Йемене, Тунисе, известные как «жасминовые революции», или «арабская весна», буквально «взорвали» мировое общественное мнение, усилив

¹⁵ Фазельянов Э.М. Национальные интересы и «восточный вектор» внешней политики России // Партнерство цивилизаций: нет разумной альтернативы. М.: ИВ РАН, 2011. С. 235–254.

интерес к арабскому миру. Равнодушных наблюдателей практически не оказалось. Хотя проблемы вызревали в течение долгих лет, случившееся, по меткому выражению министра иностранных дел России С.В. Лаврова, стало «ожидаемой неожиданностью». Ожидаемой, потому что предпосылки для них копились давно. Прежде всего это социально-экономические проблемы – безработица среди молодежи, даже с высшим образованием, бедность, низкий уровень жизни и доходов населения. Другое дело, что предсказать момент, когда могли бы начаться такие события, было сложно, они имели спонтанный характер¹⁶. Правящие режимы, которые во многих странах не одно десятилетие находились у власти и накопили немалый опыт руководства государством, утратили ощущение реальности происходящего, не говоря уже об их политической дальновидности.

Конечно, это были объективные процессы в каждой из упомянутых стран региона, которые, не исключено, мы будем наблюдать и в других регионах Африки и Азии.

Потребуется немало времени для определения внутренних и внешних факторов, вызвавших в этих государствах революционный взрыв.

Сейчас задачей мирового сообщества является стабилизация обстановки в регионе Ближнего Востока и Северной Африки. Для этого необходимо поддерживать национальный диалог в каждой стране, но при этом учитывать, что именно сами эти страны – их население и политические силы – должны решать возникающие проблемы.

Восточный вектор во внешнеполитических интересах России имеет длительную историю. Процесс становления российской государственности и расширение границ империи на юг

¹⁶ Интервью министра иностранных дел России С.В. Лаврова руководителю авторской программы «Актуальный разговор» телекомпании «3 канал» В. Соловьеву 13 марта 2011 г. (http://www.mid.ru/6rp_4.nsf/0/E35ACC8110082ABCBC3257852004AF20E); *Богданов М.Л.* Ближний Восток и Северная Африка. Регион, который ждет серьезная внутренняя трансформация // *Международная жизнь*. 2011, декабрь. С. 11.

и юго-запад привели к тому, что ей пришлось устанавливать многоплановые отношения со своими непосредственными соседями – Персидской и Османской империями. Эти отношения были сложными и не всегда носили мирный характер. Тем не менее уже тогда доминирующим направлением российской дипломатии было сохранение спокойствия в данном регионе. Об этом свидетельствует, например, инструкция вице-канцлера К.В. Нессельроде российскому посланнику в Константинополе А.П. Бутеневу, датированная 1 декабря 1830 г. В ней, в частности, говорится: «Неопределенность, которая способствует событиям, ареной которых стал Запад, заставляет нас с удвоенной силой желать глубокого умиротворения на Востоке. Мы не могли бы без глубокого сожаления наблюдать за серьезными раздорами, возникшими между странами, граничащими с нами в Азии...». Эта инструкция завершается ссылкой на волю императора Николая I: «Сохранять на Востоке прочный мир, в Европе заботиться о спокойствии народов и скрупулезном соблюдении трактатов, его гарантирующих, – таков принцип, неизменно направляющий политику нашего августейшего государя»¹⁷. Забота о сохранении мира и стабильности в регионе Ближнего, Среднего Востока и Северной Африки, развитие многополярных взаимовыгодных отношений с государствами региона и сегодня являются приоритетными направлениями внешней политики России.

Уникальность положения России, расположенной на перекрестке разных цивилизаций и миров, всегда требовала многомерности в ее внешней политике. Исторически Россия тяготеет к западноевропейской культуре; приняв в X в. православие в качестве государственной религии, она, несомненно, принадлежит христианской цивилизации, несмотря на то, что в течение 70 лет советской власти в стране насаждался атеизм и часть жителей по сей день достаточно далека от религии. Более

¹⁷ *Донцов В.Е.* Россия и страны Ближнего, Среднего Востока и Северной Африки // Россия и страны Ближнего, Среднего Востока и Северной Африки. Проблемы и перспективы сотрудничества. М.: Восток–Запад, 2009. С. 5(173).